

УДК 93
ББК 63
Ф 544

*Печатается по решению Ученого совета
исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
от 27 февраля 2023 г. (протокол № 1)*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *Е. Е. Голубкова*
(Московский государственный лингвистический университет)

доктор исторических наук, профессор *А. В. Павловская*
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

Ф 544 Филологи и историки о языке исторической науки / под ред.
И. Е. Андропова, А. П. Миньяр-Белоручевой, О. В. Раевской. –
СПб.: Алетейя, 2023. – 208 с. – (Труды исторического факультета
МГУ. Вып. 225. Сер. II: Исторические исследования, 155).

ISBN 978-5-00165-676-0

В сборнике представлены материалы научной конференции
«Роль и место иностранных языков в университетском историческом
образовании», состоявшейся на историческом факультете МГУ имени
М. В. Ломоносова в апреле 2022 г. Вошедшие в сборник статьи напи-
саны филологами и историками на разном в историческом и языковом
отношениях материале, и все они посвящены одной теме – языку
исторической науки. Поэтому книга может быть интересна как фило-
логам, так и историкам.

УДК 93
ББК 63

ISBN 978-5-00165-676-0

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа»
в российских и международных сервисах книгоиздательской
продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© Коллектив авторов, 2023
© Исторический факультет МГУ, 2023
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Филологи и историки о языке исторической науки	5
<i>Раевская О.В.</i> О лингвистических особенностях французской историографии	12
<i>Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е.</i> Соотношение национальных научных картин мира в историографическом дискурсе	27
<i>Ясенко И.П.</i> Языковые особенности немецкой историографии	52
<i>Варин В.В.</i> Некоторые дискурсивные особенности немецкого исторического текста на примере работы Голо Манна «Немецкая история XIX и XX веков»	65
<i>Кабицкий М.Е.</i> Особенности этнологического и антропологического дискурса в странах Южной Европы . . .	76
<i>Белюсова О.В.</i> Особенности авторского стиля графа С. Д. Шереметева как историка Смутного времени	89
<i>Андреев Д.А.</i> Прошлое в намеках и подтекстах: казусы Русского исторического общества в конце XIX – начале XX века	100
<i>Кестнер Т.Ю., Кушелева М.Л.</i> К вопросу о понятии «интеллигенция» в англоязычной и франкоязычной историографии	117
<i>Андронов И.Е.</i> Филология и богословие в церковно- исторической дискуссии XVI века: «Магдебургские центурии»	141
<i>Княжесинская Е.В.</i> Антропонимы в англоязычной историографической традиции	168
<i>Шельштейн С.С.</i> Язык «национального» в немецкой публицистике раннего Нового времени	188

РАЕВСКАЯ О. В.

О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена описанию лингвистических особенностей французской историографии, сложившихся начиная с девятнадцатого века и определяющих, с филологической точки зрения, тенденции её развития. Речь идёт об авторском первом лице исторического дискурса, об «историческом настоящем» времени, а также о проявляющихся в лексике концептуально значимых различиях историографической терминологии, традиционно интерпретируемых как «трудности перевода».

Ключевые слова: французская историография, историографический дискурс, автор, «историческое настоящее» время, «трудности перевода».

Raevskaya O.V.

LINGUISTIC FEATURES OF FRENCH HISTORIOGRAPHY

The article describes linguistic features in the French historiography, which were formed beginning from the 19th century and have determined, from the philological point of view, the basic tendencies of its development. Special attention is paid to the author's first person of historical discourse, to the «historical present», and also to the lexically manifested conceptually important differences in the historiographical terminology, which are traditionally interpreted as the «translation difficulties».

Keywords: French historiography, historiographical discourse, author, «historical present», «translation difficulties».

Становление исторической науки в девятнадцатом веке сопровождалось формированием свода правил историописания, своего рода историографического канона. Одним из самых наглядных примеров этого можно считать сноски – результат союза истории и филологии, как их определил Энтони Графтон¹. Отсылая к источникам, они тем самым гарантировали достоверность сообщаемого и, соответственно, методологическую корректность работы историка.

¹ *Grafton A. The Footnote: A Curious History. Harvard University Press, 1997.*

Как известно, большим количеством сносок отличаются тексты немецких историков. Не случайно заслугу их внедрения в обиход исторической науки приписывают Леопольду фон Ранке, придававшему первостепенное значение достоверным источникам и считавшему, что историк должен рассказывать, «как всё было на самом деле».

Французские историки смотрели на проблему достоверности иначе. Современник Ранке Франсуа Гизо, который, будучи крупным государственным деятелем, в то же время «организовал, направил, развил историографическую жизнь во Франции»¹, прямо заявлял, что историк «обязан отдавать публике отчёт о своей личности; он ручается за достоверность тех фактов, которые он нам рассказывает; нам нужно знать, какую цену имеет это ручательство, а опорой для такой необходимой гарантии служит не только нравственный характер историка и доверие, возбуждаемое его правдивостью, но также обычный склад его ума, мнения, на сторону которых он всего охотнее склоняется, и чувства, которыми он легче всего увлекается, т.к. из этого-то и складывается та атмосфера, которая окрашивает в его глазах описываемые им факты»².

Гизо – старший из славной плеяды французских историков девятнадцатого века – выражает не личную точку зрения, а фактически общую позицию коллег по историческому цеху, которые писали свои труды от первого лица. Вот несколько примеров. Адольф Тьер: «Я описал первый кризис (...) я сделал это без ненависти, сожалея об ошибке, почитая добродетель, восхищаясь величием». Эдгар Кине: «Я не могу не пожалеть этого короля, от которого каждый день требуют невозможного». Ипполит Тэн: «Я прочёл двадцать томов протоколов (...)». Жюль Мишле: «В конечном итоге, я меньше осуждаю Ришелье, чем его время, его монархическую фатальность».

Нельзя сказать, чтобы французские историки игнорировали сноски. Если их почти нет у Кине и у Мишле, которые, по Гизо, подтверждают достоверность сказанного «отчётом о личности», то, например, Луи Блан, не пишущий от первого лица, сноски систематически использует, а Ипполит Тэн поступает и тем и другим способом.

¹ Carbonell C.-O. Guizot, homme d'État, et le mouvement historiographique français du XIX siècle. Bulletin de la Société de l'Histoire du Protestantisme français, vol. 122. Actes du Colloque François Guizot (Paris, 22–25 octobre 1974, pp. 219–237).

² Гизо Ф. Очерк о жизни и характере Эдуарда Гиббона. // [Электронный ресурс]: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%93/gibbon-eduard/istoriya-upadka-i-krusheniya-rimskoj-imperii/24> (дата обращения: 06.03.2022).

К концу девятнадцатого века история, ставшая самостоятельной научной дисциплиной, занявшей прочное место среди гуманитарных наук, сформировала *modus scribendi*, в котором своё место – хоть и не почётное, но обязательное – занимают сноски. При всей их обязательности историки пользуются ими по-разному, и в этих различиях, вероятно, можно видеть национально специфические особенности историографического дискурса.

Так, в рецензии на «Введение в изучение истории» Ш. В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, опубликованной сразу после выхода книги, французский историк Саломон Рейнах отдельно остановился на одной из явно малозначимых сносок – да, именно сноска обратила на себя его внимание. Вот что писал Рейнах: «Подобные сноски часто встречаются в немецких учебниках, (...) но даже многие немцы считают их избыточными. Господа Ланглуа и Сеньобос обладают в выдающейся степени качествами письма, которые принято считать французскими; но то тут, то там над их общим трудом витают по-настоящему германские тени»¹. Эти «германские тени», видимо, отчасти можно объяснить тем, что Шарль Сеньобос после окончания *École normale supérieure* два года учился в Германии. Но вообще о влиянии немецкой исторической школы сами французы писали уже начиная с последней трети девятнадцатого века².

Сама постановка вопроса о «германских тенях», витающих над французскими историками, свидетельствует о признании национально специфических черт историографического дискурса со стороны историков. А что может сказать об этом филолог? Какие особенности, какие отличительные черты французской историографии можно увидеть с лингвистической точки зрения?

¹ *Reinach S.* Compte rendu de lecture. In: *Revue critique d'histoire et de littérature*. 1898. T. 45. p. 195–199. P. 195.

² *Fustel de Coulanges N.D.* De la manière d'écrire l'histoire en France et en Allemagne depuis cinquante ans // *Revue des deux mondes*, septembre 1872 [Электронный ресурс]: <https://www.revuedesdeuxmondes.fr/article-revue/la-maniere-decrire-lhistoire-en-france-et-en-allemande/> (дата обращения: 06.03.2022); *Carbonell C.-O.* Histoire et historiens: une mutation idéologique des historiens français, 1865–1885, Toulouse: Privat, 1976. 605 p. *Marrou H.-I.* Quand les historiens redécouvrent l'histoire // *Journal des savants*, 1977, n° pp. 3-16 [Электронный ресурс]: https://www.persee.fr/doc/jds_0021-8103_1977_num_1_1_1346 (дата обращения: 07.03.2022), *Prost A.* Douze leçons sur l'histoire. P.: Seuil, 2010. P. 9.

Начнём с того, с чего часто начинают предложение французские историки. Прежде всего обращает на себя внимание JE – личное местоимение первого лица единственного числа и соответствующие формы глагола. Это грамматический показатель авторского присутствия в тексте, или, по Гизо, «отчёта о своей личности».

Из всех французских историков больше всего «отчитывается о себе» Жюль Мишле. Вот, рассказывая о Реформе, он вспоминает, как бывал в Женеве, в местах, связанных с Кальвином: «Когда я захожу в старый коллеж Кальвина и Беза, когда сажусь под древними вязами, когда посещаю академию и церковь, где Кальвин, слабый, измождённый, проповедовал из последних сил, я чувствую великое дыхание Революции». Вот он даёт пример авторской саморефлексии: «Это слово вырвалось у меня, и я его не уберу, а остановлюсь на нём. Много раз я краснел, когда писал этот том, но мне пришлось бы краснеть сильнее, если бы я поместил сюда чахлую Францию Людовика XIII и богатую, жирную Голландию, со счастливым уделом её граждан на фоне нищеты французских подданных»¹. А вот что он пишет о коллеге-историке: «Я некогда обидел этого славного человека и должен перед ним оправдаться. (...) Впрочем, рассказы Буркхарда отличаются такой искренностью, правдивой простотой, которая совершенно успокаивает. Я видел много лжецов. Так не лгут»².

В лингвистике текста есть специальное обозначение того явления, о котором идёт речь. Это метатекст в тексте³, то есть своего рода рамочное обрамление основного текста, или метаорганизаторы высказывания типа «иными словами», «как уже было сказано» и т.п. У Мишле метатекст носит ярко выраженный личностный, часто оценочный характер. Например: «Я никогда не поверю, что такой человек мог сказать это серьёзно»; «Я не сомневаюсь, что решительный совет об отречении пришёл от Маргариты»; «Я без колебаний утверждаю, что королева сделала бы из этого нечто вроде комплимента королю» и т.п.

В метатексте Мишле используется около двух десятков глаголов, которые можно назвать ментальными перформативами⁴; это *dire* (го-

¹ *Michelet J. Histoire de France au dix-septième siècle. T. XI. P.: Chamerot, 1857. P. 454.*

² *Michelet J. Histoire de France T.VII. P.: Chamerot, 1855. P. 99.*

³ *Везжицкая А. Метатекст в тексте. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М.: Прогресс, 1978. С. 402–421.*

⁴ *Рябцева Н.К. Ментальные перформативы в научном дискурсе // Вопросы языкознания. 1992. № 4. С. 12–28.*

ворить), croire (верить, полагать), savoir (знать), douter (сомневаться), expliquer (объяснять), s'étonner (удивляться) и т.п.

Первое лицо единственного числа *je* может заменяться множественным *nous*: во французской грамматике это называется *nous de modestie* («скромное *мы*»). Вот как Мишле «скромно» говорит о своей позиции историка: «Мы написали эту историю с очень строгой точки зрения, с итальянской, европейской больше, чем с французской; вот в чём нас упрекнул».

В функции авторского метатекста у Мишле может выступать и императив, который есть своего рода оборотная сторона первого лица: «Кто это сказал? Будьте уверены, не кто иной, как Фуке ля Варенн».

Мишле не просто присутствует на страницах своих трудов, но и открыто заявляет о своей пристрастности: «Я заявляю, что эта история не беспристрастна». Так, рассказывая о Жанне д'Арк, историк прямо в тексте приносит ей свои извинения: «прошу прощения у целомудренной девы». А упоминая Монстреле, хрониста, который был известен своей враждебностью к Жанне, Мишле использует лексику, которую вряд ли ожидаешь услышать от такого солидного автора: «Эта ужасная чепуха занимает не меньше восьмидесяти трёх страниц у Монстреле. Переписывать это – тошнотворно (*ce serait à en vomir*)».

Приведённые примеры достаточно наглядно представляют одну из характерных особенностей французской историографии девятнадцатого века. Её можно определить как «фактор автора», который грамматически выражен первым лицом единственного числа.

Постепенно положение дел меняется. Опубликованная в 1898 году книга Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобоса «Введение в изучение истории» обозначила радикальный методологический поворот, перенос внимания на документ, на источник: «История пишется по документам. (...) нет их, нет и истории»¹. Объективным показателем изменения методологического канона стало регулярное, иногда производящее впечатление чрезмерного, использование сносок, как об этом, например, говорилось в процитированной рецензии С.Рейнаха.

В середине двадцатого века Барт объявляет о «смерти автора» – правда, он пишет о художественной литературе и разбирает текст Бальзака, современника Мишле, но общее направление структуралистской мысли относилось и к истории.

¹ Ланглуа Ш.-В. и Сеньобос Ш. Указ. соч. С. 13.

ЖЕ – рассказ от первого лица – уходит из французской исторической науки, хотя и не полностью. Вот, например, у Франсуа Фюре читаем: «Я не уверен, что», «Я представляю себе, что» и т.п.; но, во-первых, такое авторское присутствие далеко от того, что наблюдалось в девятнадцатом веке, и, во-вторых, оно практически не влияет на общую картину: голос историка, с его уверенностью и сомнениями, пристрастиями и оценками не звучит так, как раньше, как у Мишле и Кине, у Тьера и Тэна¹.

Однако французская историческая наука не теряет своего человеческого лица. Только «фактор автора» меняется на «фактор человека», как это показала школа «Анналов»: «История – это наука о человеке; она, разумеется, использует факты, но это – факты человеческой жизни. (...) История, разумеется, использует тексты, но это – человеческие тексты. Сами слова, которые их составляют, насыщены человеческой сутью»². Или, как писал Марк Блок, сравнивший историка со сказочным людоедом, «где пахнет человечиною, там, он знает, ждёт его добыча»³. Эту смену взгляда, научного интереса историка стали называть антропологическим поворотом.

Нельзя сказать, что вся французская историческая наука была во власти того, что Ф. Фюре назвал «позитивистской иллюзией «объективности»»⁴. Был и другой взгляд – противоположный, основанный на том, что «история неотделима от историка» (так назывался один из разделов книги Анри-Ирене Марру «Об историческом знании»⁵). Как он писал в середине двадцатого века, «Научная честность, как мне кажется, требует, чтобы историк сознательно определил направление своей мысли, определил свои постулаты (в той мере, в какой это возможно); чтобы он показал себя в действии и дал нам присутствовать при зарождении своего произведения...»⁶.

Идея субъектности историка с течением времени начинает оказывать значительное влияние на развитие исторической науки. В 70–80-е годы Пьер Нора, известный своей концепцией «мест памя-

¹ Об этом см. *Carrard P. Poétique de la Nouvelle Histoire. Le discours historique en France de Braudel à Chartier. Lausanne: Payot, 1998. 265 p.*

² *Февр Л.* Бой за историю. Пер. с французского. М.: Наука, 1991. С. 20.

³ *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1973. С. 18.

⁴ *Furet F. Penser la Révolution française. P: Gallimard, 1978. P. 26.*

⁵ *Marrou H.-I. De la connaissance historique. P: Seuil, 1954. P. 318.*

⁶ *Idem. P. 231.*

ти», задумал новый издательский проект, который назвал «эго-историей» (égo-histoire). Он объяснил это тем, что после продолжительного периода структурализма и семиологии произошло, по его словам, «возвращение субъекта» («le retour du sujet»), отдельного человека (individu) – мыслящего и действующего¹.

Идея Нора состояла в том, чтобы историк перестал прятать свою личность за своими знаниями, «баррикадироваться за своими карточками»², а рассказал о себе, о своём профессиональном пути, применяя те методы, которыми он обычно руководствуется, – то есть чтобы историк стал историком самого себя. Среди откликнувшихся на этот призыв были Жорж Дюби, Жак Ле Гофф, Рене Ремон и другие. При всей, казалось бы, привлекательности этой идеи, когда в 1987 году вышел сборник *Essais d'égo-histoire*, он, несмотря на известные имена, не стал выдающимся издательским успехом. Если же говорить о жанре эго-историй, задуманных Нора и написанных историками, то вряд ли они могут быть отнесены к исторической науке – это не что иное, как профессиональные автобиографии, то есть текст другого, не строго научного жанра.

Понятие эго-истории, тем не менее, не просто вошло в научный оборот и издательскую практику, но и получило статус «поворота» в развитии исторической науки, который в отечественной терминологической традиции стал называться биографическим, или «автобиоисториографическим»³.

Нора недаром обратил внимание на «возвращение субъекта» и вспоминал тех историков, чей голос наиболее отчётливо звучал в их трудах. Позже, уже в начале нынешнего века Нора заявил, что «Мишле витает в воздухе» («Il y a du Michelet dans l'air») и что пришло время переиздать полностью, причем для широкой публики, его *Историю Франции*⁴. Видимо, действительно, в воздухе что-то такое витает: в марте 2021 года стартовало переиздание «Истории Франции» Мишле в полном объёме.

¹ Nora P. L' égo-histoire est-elle possible? // *Historein*, vol. 3, 2001. P. 20.

² *Essais d'égo-histoire*. P.: Gallimard, 1987. P. 5.

³ *Ретина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI веков. М.: Круг, 2011. 552 с.

⁴ Nora P. Michelet, le grand incarnateur // [Электронный ресурс]: <https://www.lefigaro.fr/livres/2008/03/06/03005-20080306ARTFIG00496-michelet-le-grand-incarnateur-.php> (дата обращения: 24.02.2021).

Почему Мишле оказался востребованным? Что привлекает в нём сегодня? На этот вопрос можно дать несколько ответов. Во-первых, как отметила Поль Петитье, готовившая переиздание полной «Истории Франции», у Мишле есть «что-то абсолютно необходимое для истории (...) внимание к эмоциям и их роли в истории, чего нет у его современников»¹. Во-вторых, «отец французской истории» имеет репутацию не только учёного, но и писателя. И, в-третьих, Мишле отличается наиболее ярко выраженным авторским присутствием на страницах своих книг, он чаще всех говорит от первого лица.

Вот этот третий ответ и подводит нас к следующей вехе, можно сказать повороту нашей темы. В 2014 году Иван Жаблонка, французский историк, профессор Сорбонны и писатель, опубликовал книгу «История – это современная литература. Манифест социальных наук»². Слово «Манифест» в названии говорит как о серьёзных научных намерениях автора, который фактически заявляет о необходимости нового «поворота» в социальных науках, к которым он относит историю, так и о том, что автор не одинок в своих мыслях.

Как это заявлено в названии, Жаблонка предлагает вернуть истории статус литературы – не в смысле красот стиля и слога, а в целях использования возможностей языка для точного, убедительного и интересного читателю рассказа о проделанной автором интеллектуальной работе. Заостряя проблему, Жак Рансьер писал, что необходимость литературного «формата» истории почувствовали ещё создатели «Анналов»: они «поняли, что под видом лекарства для омоложения медицины энциклопедической эры предлагают средства эвтаназии»³.

В своём «Манифесте» Жаблонка уделяет особое внимание фактору автора, авторскому я историка. Он считает, что «объективный метод, основанный на отказе от я – это методологическая фикция: все

¹ *Petitier P.* Pour Michelet, le peuple fait l'histoire au sens où il est l'acteur politique. *L'Humanité*, 6 septembre, 2019.

² *Jablonka I.* L'histoire est une littérature contemporaine. *Manifeste pour les sciences sociales*. P.: Seuil, 2014.

³ *Rancière J.* Les noms de l'histoire. *Essai de poétique du savoir*. P.: Seuil, 1992 // [Электронный ресурс]: <https://www.decitre.fr/livres/les-noms-des-l-histoire-9782020200608.html> (дата обращения: 24.03.22). См. также *Leduc J.* Quelques aspects de l'écriture du temps chez les historiens français de la seconde moitié du XXe siècle // *Revue d'histoire du XIX siècle*, 2002, № 25. [Электронный ресурс]: https://journals.Openedition.Org/rh19/416#xd_co_f=ZWE2YjY4NDktZTA0YS00YTZkLWJmMzUtNGM3ODNiZDhkNjFl~ (дата обращения: 24.03.22).

знают, что это говорит историк»¹. Понятно, что авторский голос в таком случае приобретает особое звучание. Одно из ключевых понятий «Манифеста» – *je*, личное местоимение первого лица, которое приобретает у него эпистемологическое значение. Он так и пишет, что его *je* – это *je de méthode* («методологическое я»)² – то, из чего складывается автор: его образование, социальное положение, возраст, пол, дух времени, в котором он живёт. В этом *я* – не тщеславие, а, по его словам, «эпистемологическая скромность», дистанцирование от самого себя.

К этому остаётся только добавить, что автор «Манифеста» Иван Жаблонка – лауреат премии Гизо, учреждённой Французской академией.

Премия Гизо, присуждённая учёному, который говорит о необходимости «методологического я» в исторической науке, выглядит символично. Два века назад, в 1819 году Гизо призывал историков к «отчёту о своей личности», и многие из них писали свои труды от первого лица. Поворот в сторону позитивизма, а потом структурализма привёл в двадцатом веке к вытеснению авторского *я*, или фактора автора, из историографического канона, но человеческий фактор по-прежнему играл важную роль в развитии исторической науки, её проблематики, не имея при этом таких собственно языковых средств выражения, как, например, местоимение первого лица. И вот в двадцать первом веке мы видим призыв к возвращению в историческую науку авторского первого лица, «методологического я». Посмотрим, что будет дальше, за этим методологическим поворотом...

Фактор автора во французской историографии тесно связан с фактором времени, то есть, в частности, с тем, какое грамматическое время использует историк в своих текстах. Во французском языке есть грамматическая категория *présent historique* – настоящее время, которое употребляется для рассказа не о настоящем, а о прошлом. Оно недаром называется *историческим*, поскольку часто встречается в текстах по истории. Многолетний незапланированный, но неизменный по результатам эксперимент в аудитории исторического факультета показывает, что практически все студенты переводят французское *présent historique* русским прошедшим временем. О чём это говорит? О том, что французская историография отличается от русской в части употребления

¹ Jablonka I. Op. cit.

² Idem. P. 286.

настоящего времени. Отечественная историографическая традиция, носителями которой в данном случае можно считать студентов-историков, предполагает, что о прошлом, в соответствии с системой грамматических времён, рассказывается в прошедшем времени. А французские историки, говоря о событиях прошлого, используют настоящее время – *историческое настоящее*, *présent historique*.

Учитывая, что время – одна из базовых категорий исторической науки (Мишле прямо говорил: «История – это время»), эту грамматическую особенность – использование *présent historique* – можно считать важной характеристикой французской историографии. Это грамматически выраженное проявление того, что говорил Р. Д. Коллингвуд о французском историке, который стремится «вписаться» в историческое движение, «ощутить это движение как нечто, происходящее в нём самом»¹.

Исследования, проведённые во Франции, показали динамику этого процесса, который обозначают словом *présentisme*² или *présentification*³ от слова *présent* – *настоящее время*. Хотя «предтечей» называют Мишле⁴, реальный поворот в сторону «презентизма», т.е. преимущественного использования историками настоящего времени, начался только в 60-е годы двадцатого века, став в следующее десятилетие доминирующей тенденцией. Как сказано в одной из работ на эту тему, «Сторонники рассказа в прошедшем времени оказались в явном меньшинстве. Напротив, историков, использующих настоящее время как основу рассказа, теперь легион»⁵. «*Présent omniprésent*» («вездесущее настоящее»), *présent monstre*⁶ – такими эпитетами Франсуа Артог под-

¹ Коллингвуд Р.Д. Идея истории. М., Наука, 1980. С. 181.

² Rancière J. Les noms de l'histoire. Essai de poétique du savoir; Hartog F. Régimes d'historicité: présentisme et expériences du temps. P., Seuil, 2003.

³ Dosse F. De l'usage raisonné de l'anachronisme // Espaces Temps, 87-88, 2005. Les voies transversières de Nicole Loraux. Une helléniste à la croisée des sciences sociales [Электронный ресурс]: https://www.persee.fr/doc/espat_0339-3267_2005_num_87_1_4372 (дата обращения: 26.03.22).

⁴ Rancière J. Les noms de l'histoire.; Revaz F. Le présent et le futur «historiques»: des intrus parmi les temps du passé? // Le français d'aujourd'hui. 2002. 4. № 139.

⁵ Leduc J. La construction du temps chez les historiens universitaires français de la seconde moitié du XXe siècle // ADR Temporalités [Электронный ресурс]: <https://doi.org/10.4000/temporalites.614> (дата обращения: 22.03.22).

⁶ Hartog F. Régimes d'historicité: présentisme et expériences du temps. P.: Seuil, 2003. P. 217.

чёркивает непропорционально значимую роль настоящего времени в исторических текстах.

Эмиль Бенвенист, один из выдающихся лингвистов двадцатого века, очень удивился бы, узнав о том, что французские историки теперь пишут в *présent historique*. Он считал, что для историка употребление настоящего времени исключено, оно «несовместимо» с его профессией¹.

Предпочтение, которое французские историки отдают настоящему времени, – «презентизм» – может быть описано с разных позиций. С функциональной точки зрения в этом усматривают влияние устной речи, из которой практически исчезло *passé simple* (прошедшее простое): практически все авторы публикаций по истории – преподающие университетские профессора.

Интересно было бы при этом проверить на «презентизм» работы тех, кто не преподаёт – замечает Ж. Ледюк, автор исследования, посвящённого употреблению времен во французской историографии². С методологической точки зрения здесь выделяют две противоположные позиции историка: сближение с прошлым, «вживание» в него, продолжающее линию Мишле на «полное возрождение» («*résurrection de la vie intégrale*»), или категорическое дистанцирование от прошлого, фиксация присутствия историка *hic et nunc*.

Аргумент «от устной речи», «от преподавания» возвращает нас к Ролану Барту, который в статье «От науки к литературе» сформулировал различие между этими двумя сферами интеллектуальной деятельности: «Наука преподаётся, то есть высказывается и излагается, литература же не столько сообщается, сколько совершается (...) Наука говорится, литература пишется (...)»³.

Барт даёт науке простое и глубокое определение, которое говорит о том, что он знает не только, что такое наука, но и что такое преподавание. Он считает, что «определяющим для науки (под этим словом здесь и далее подразумевается совокупность социальных и гумани-

¹ Benveniste E. Le langage et l'expérience humaine. P.: Gallimard, 1966. P. 245.

² Leduc J. Quelques aspects de l'écriture du temps chez les historiens français de la seconde moitié du XXe siècle // [Электронный ресурс]: https://journals.openedition.org/rh19/416#xd_co_f=ZWE2YjY4NDktZTA0YS00YTZkLWJmMzUtNGM3ODNiZDhkNjFl~ (дата обращения: 24.03.22).

³ Барт Р. От науки к литературе. / Р. Барт. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 377.

тарных наук) является не особое содержание (его границы зачастую неопределенны и подвижны), не особый метод (в разных науках он разный: что общего между исторической наукой и экспериментальной психологией?), не особые моральные принципы (серьезность и строгость свойственны не только науке), не особый способ коммуникации (научные знания излагаются в книгах, как и все прочее) – но исключительно ее особый *статус*, то есть ее социальный признак: ведению науки подлежат все те данные, которые общество считает достойными сообщения. Одним словом, **наука – это то, что преподается**»¹ (выделено нами – О. Р.).

Две рассмотренные языковые особенности французской историографии – авторское первое лицо и настоящее время – относятся к грамматике текста. Наряду с ними есть и часто отмечаемые лексические особенности. Обычно их относят к трудностям перевода, хотя во многих случаях речь идёт о том, что можно назвать концептуальными различиями историографических канонов. Два простых примера на одну тему, касающихся периодизации истории.

Слову *век* в обозначениях *каменный век*, *бронзовый век*, *Средние века* во французском языке соответствует *âge*, которое обычно переводится как *возраст* – *âge de pierre*, *âge d'airain*, *Moyen âge*. Ясно, что дело не в том, что *âge* надо в указанных случаях переводить как *век*, или, наоборот, *век* – как *âge*, а в том, что русские и французские историки по-разному осмысливают соответствующие отрезки исторического времени. То, что по-русски называется *новой и новейшей историей*, по-французски – *époque moderne et contemporaine*. И здесь так же ясно, что эти прилагательные свидетельствуют о различиях в осмыслении, или, в терминах когнитивной лингвистики, концептуализации соответствующих периодов истории. У французского прилагательного *contemporain* в русском языке есть точный, вплоть до внутренней формы слова, эквивалент *современный* (тот же корень и префикс). Но как перевести на русский язык французское название учебника «La France contemporaine, de 1789 à nos jours»? Прилагательное *современный* не подходит: по-русски Францию девятнадцатого века, в отличие от французов, мы никак не можем назвать *современной*.

Можно привести ещё немало примеров того, как филологический подход, относящийся, на первый взгляд, к теме так называемых «труд-

¹ Барт Р. Указ. соч. С. 377.

ностей перевода», позволяет выявить концептуально значимые особенности историографических традиций, сформированных на разных языках.

Предпринятый обзор языковых особенностей французской историографии, при всей его фрагментарности, даёт основание говорить о том, что рассмотренные особенности – первое лицо и настоящее время – относятся к тому, что составляет её «лица необщее выражение». Чтобы быть в этом уверенными, т.е. чтобы установить то, что можно назвать национально специфическими характеристиками историографии, необходим системный сравнительно-сопоставительный подход, который показал бы, в частности, как пишут свои труды историки других стран, других историографических традиций, как они отражаются в тексте своих работ, как они представляют свою авторскую позицию. Нельзя не признать, что это один из основополагающих методологических принципов исторической науки.

Для французских историков авторское присутствие в тексте входит в их *modus scribendi*. Личность автора имеет значение. В своей хрестоматии из трудов французских историков девятнадцатого века Камиль Жюлиан даёт каждому краткую характеристику – яркий психологический портрет. Гизо – «холодный методичный ум, твёрдая воля, несравненный труженик, с юных лет разумный, мыслящий, рациональный и рационалист»¹, Тьерри – «горячее сердце, всегда молод душой, немного наивный ум, влюблён в жизнь»², Минье – «холоден, осторожен, точен, уже почти академичен»³; подобные характеристики даются ещё ряду историков, среди которых Токвиль, Фюстель де Куланж и другие.

В завершение можно повторить вслед за Жюлианом вопрос: «Какой историк сможет полностью абстрагироваться от своей эпохи, своей среды, своих личных симпатий?»⁴. Вопрос задан историком риторически, т.е. не предполагает ответа, но ведь возможен и такой ответ: абстрагироваться, конечно, трудно, если не невозможно, но оставляемые автором в тексте следы эпохи, среды и личных симпатий могут признаваться разными историографическими традициями как методологически обоснованные или же недопустимые.

¹ Jullian C. Op. cit. P. XIV.

² Ibid.

³ Idem. P. XXXI.

⁴ Ibid.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Барт Р.* От науки к литературе. / Р. Барт. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. 616 с.
- Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1973. 234 с.
- Вежбицкая А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М.: Прогресс, 1978. С. 402–421.
- Гизо Ф.* Очерко жизни и характера Эдуарда Гиббона // [Электронный ресурс]: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%93/gibbon-eduard/istoriya-upadka-i-krusheniya-rimskoj-imperii/24> (дата обращения: 06.03.2022).
- Коллингвуд Р. Д.* Идея истории. М.: Наука, 1980. С. 181.
- Ланглуа Ш. В. и Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. Пер. с франц. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1899. 278 с.
- Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI веков. М.: Круг, 2011. 552 с.
- Рябцева Н. К.* Ментальные перформативы в научном дискурсе // Вопросы языкознания. 1992. № 4. С. 12–28.
- Февр Л.* Бои за историю. Пер. с французского. М.: Наука, 1991. 632 с.
- Benveniste E.* Le langage et l'expérience humaine. P.: Gallimard, 1966. 245 p.
- Carbonell C.-O.* Guizot, homme d'État, et le mouvement historiographique français du XIX siècle // Bulletin de la Société de l'Histoire du Protestantisme français. Vol. 122. Actes du Colloque François Guizot (Paris, 22–25 octobre 1974). P. 219–237.
- Carbonell C.-O.* Histoire et historiens: une mutation idéologique des historiens français, 1865–1885. Toulouse: Privat, 1976. 605 p.
- Carrard P.* Poétique de la Nouvelle Histoire. Le discours historique en France de Braudel à Chartier. Lausanne: Payot, 1998. 265 p.
- Dosse F.* De l'usage raisonné de l'anachronisme. Les voies traversières de Nicole Loraux. Une helléniste à la croisée des sciences sociales. // Espaces Temps, 87-88, 2005. P. 156–171 [Электронный ресурс]: https://www.persee.fr/doc/espat_0339-3267_2005_num_87_1_4372 (дата обращения: 26.03.22).
- Essais d'égo-histoire.* P.: Gallimard, 1987. 376 p.
- Furet F.* Penser la Révolution française. P.: Gallimard, 1978. 316 p.
- Fustel de Coulanges N.D.* De la manière d'écrire l'histoire en France et en Allemagne depuis cinquante ans // Revue des deux mondes, septembre 1872 [Электронный ресурс]: <https://www.revuedesdeuxmondes.fr/article-revue/la-maniere-decrire-l-histoire-en-france-et-en-allemande/> (дата обращения: 06.03.2022)
- Grafton A.* The Footnote: A Curious History. Harvard University Press, 1997. 256 p.
- Hartog F.* Régimes d'historicité: présentisme et expériences du temps. P.: Seuil, 2003. 262 p.
- Jablonka J.* L'histoire est une littérature contemporaine. Manifeste pour les sciences sociales. P.: Seuil, 2014. 340 p.